

**Х.Г. ТХАГАПСОВ, профессор
Кабардино-Балкарский
государственный университет**

Региональный вуз выпадает из стратегии развития отечественного образования

Анализируются проблемы развития регионального вуза в современной России. Отмечается недооценка роли вузов этого типа в решении проблем социально-экономического и культурно-технологического роста общества. Предлагается ввести в практику статус «головной университет (вуз) региона», имея в виду последующее создание на этой основе региональных научно-образовательных кластеров.

Ключевые слова: региональный университет (вуз), головной университет региона, точка роста, региональный научно-образовательный кластер, формализация вузовских процессов

Поскольку сегодня облик мира и бытие человека определяются прежде всего процессами глобализации, а в дискурсах об образовании преобладает «глобальная» проблематика, встает вопрос: каким должно быть образование в динамично переменчивом глобализирующемся мире и каким критериям оно должно отвечать? Это относится и к отечественному образованию. Однако у России, как известно, «особенная статья»: она и сегодня остается «миром миров», страной регионально-культурных контрастов, диктующих собственные требования к образованию. В этом контексте весьма актуально обращение к проблемам регионального вуза в современной России.

Статья профессора В.П. Бабинцева «Бюрократизация регионального вуза» (Высшее образование в России. 2014. № 2), на мой взгляд, являет собой попытку такого рода. Она особенно примечательна тем, что убедительно отражает бытующее сегодня и болезненно переживаемое ощущение утраты региональным вузом, его научно-педагогическим сообществом былой статусной идентичности как особого института культуры. Это ощущение и мне знакомо — я работаю в региональном вузе. Однако не могу согласиться с тем, как коллега трактует причины и истоки этого феномена. Почему?

Как известно, к числу особенностей со-

временной России относится централизация едва ли не всех сфер деятельности: управления, экономики, финансов (по различным данным, свыше 60% всех финансовых средств РФ сосредоточено в Москве), научной и культурной жизни. В этом смысле, за исключением мегаполиса «Москва» и еще 5–7 крупных деловых центров страны (Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Красноярска, Екатеринбурга, Томска), вся Россия являет собой провинцию, а по сути — пространство, обделенное в рыночных условиях ресурсами развития.

В последние годы иерархия «центр — периферия» перенесена и на сферу высшего образования: выстроена система стратификации (общенациональные вузы — МГУ им. М.В. Ломоносова и СПбГУ, федеральные, исследовательские университеты), которая фактически обрекает около 95% всех вузов страны к унифицированному, среднестатистическому, обезличенному бытию на периферии пространства развития. Ведь статусным вузам выделяют значительно большие ресурсы, здесь и условия для научного творчества куда лучше. К тому же зарплата в региональном вузе теперь привязана не к профессиональному уровню преподавателя, а к среднемесячной зарплате в регионе, где функционирует вуз. У нас, как известно, преобладают депрессивные и дотационные регионы с невысоким

уровнем зарплаты. К примеру сказать, зарплата автора этих строк едва превышает 20 тысяч рублей (поскольку среднемесячная зарплата в Кабардино-Балкарии составляет всего 16 тыс. руб.) Получается так, что провинциальный вуз, который долгие годы был ключевым институтом государственной политики развития страны «от подъема региона», теперь, в ходе реформ, стал частью и формой социального, а значит – профессионального и гражданского неравенства. «С какой стати?» – вот «немой вопрос», который порожден этой ситуацией и лежит в основе критично-скептического (если не сказать – раздраженного) отношения вузовских сообществ в регионах к реформенной деятельности Минобрнауки. При этом критика чаще всего строится как укор в бюрократизации и коммерциализации образования [1; 2], как и в данном случае. «Характерной чертой развития регионального российского вуза, проявляющейся независимо от его статуса, является бюрократизация научно-образовательного и воспитательного пространства», – пишет уважаемый Валентин Павлович (с. 30). По его мнению, это проявляется «в виде комплекса управленческих практик, затрагивающих все аспекты функционирования учреждений ВПО. В процессе бюрократизации многократно усиливается формализация вузовской среды... активно вводятся разнообразные стандарты и регламенты, формируются рейтинги оценки деятельности преподавателей и сотрудников, внедряется система менеджмента качества» (с. 31).

С такой позицией трудно согласиться уже потому, что за бюрократизацию (которая сама по себе в сфере образования, увы, имеет место быть) выдается формализация параметров вузовского процесса, в частности – разработка стандартов, регламентов, норм, критериев рейтинговой оценки и т.д. Ведь формализация, хотя она и окрашена в обыденном сознании русскоговорящего в негативные тона, на самом деле является одним из важнейших принципов (наряду с

принципами научности, системности, гибкости, централизации, диверсификации) рационализации управления, повышения его эффективности, обеспечения объективности и прозрачности в процессах управления и контроля. Иначе говоря, формализация в управлении просто необходима.

Понятно, формализация вузовских процессов (прошу не путать с педагогическим действием и научным творчеством!) – рутинный, трудоемкий, далеко не всегда творческий процесс. Знаю это по личному опыту. Так, в ходе рубежного контроля мне приходится оценивать рейтинг каждого студента как результат анализа от 3 до 5–7 цифровых данных. Увлекательным такое занятие не назовешь. Но эти данные открыты: студент видит всю «анатомию» своего успеха и неуспеха и дорожит каждым баллом. И самое главное: здесь оценка перестает быть плодом ситуационного, а тем более эмоционального «судейства преподавателя», а становится итогом накопленных достижений. Еще один пример. За последние два года мне пришлось разрабатывать рабочие программы и материалы к тестам по трем философским дисциплинам для 7 направлений магистерской подготовки и 11 направлений обучения бакалавров – это сотни страниц текста. Вероятно, такую работу можно воспринимать и как «бумажно-файловый вал». Но я, как преподаватель, здесь вижу и другое – модернизацию, системную организацию структуры, логики и содержания образования. Для меня разработка программ и тестов в рамках образовательного стандарта нового поколения стала весьма интенсивной работой над собой. Такого же мнения придерживается и абсолютное большинство моих коллег по Кабардино-Балкарскому университету. И еще. Тот значительный объем учебно-методической документации, что сегодня создается в вузах, – явление «одноразовое», связанное с введением в действие ФГОС. Иначе говоря, речь фактически идет о настройке и запуске некоей новой системы

вузовского процесса, и бюрократизм здесь ни при чем: настройка любой сложной системы – это процесс рутинный. А что касается критикуемого терминологического словаря организации высшего образования на основе ФГОС (компетенции, образовательные модули, кредитно-зачетные единицы), несть числа копиям, сломанным по их поводу, хотя ничего особенного в нем нет. Это современные смысловые и содержательные ориентиры организации образования. Ими пользуются многие страны, а значит, они гарантируют российскому студенту академическую мобильность, т.е. возможность продолжить образование и за пределами России (как показывает статистика, число таких студентов неуклонно растет). Да и на каждом этапе социальной истории наука, образование и прочие сферы деятельности обновляют свой терминологический тезаурус.

В свете изложенных обстоятельств видеть сегодня главную проблему регионального вуза в «бюрократизации образовательной среды» мне представляется скорее честным заблуждением. Беда регионального университета в современной России, на мой взгляд, совсем в другом. В том, что действующая стратегия развития высшей школы не понимает и не учитывает особую значимость регионального вуза в такой сложной и уникальной в социально-культурном плане стране, как Россия. Региональный вуз фактически стал «выпадающим», «утраченным» звеном в стратегии развития высшего образования в современной России.

Понятно, что университет на периферии (в регионе) призван в первую очередь преодолевать всякие формы периферийности и отставания региона – интеллектуального, культурного, технологического. И уважаемый Валентин Павлович прав, утверждая, что вузы – «это прежде всего трансляторы культурных образцов, знаний и технологий» (с. 35). В этом контексте понятна его обеспокоенность витающим в региональных вузах ощущением: «эти рефор-

мы – не для нас». Тем более что «стагнация духа» в региональных вузах имеет исторические корни и подпитывается культурной памятью, которая, как известно, куда глубже укоренена и более живуча именно в регионе, в провинции. Ведь те самые региональные университеты и институты в областях, краях и республиках России в свое время были сотворцами «чуда советского образования» вместе с большой советской наукой и вузами – флагманами страны; да и ныне поддерживают (пока еще) сносный уровень профессионализма. Однако теперь получается так, что в глобальном пространстве глобальной конкуренции они затерялись в частокколах глобалистско-рыночных критериев успешности, порой никак не применимых к периферийному вузу (скажем, внушительные объемы финансируемой НИР или масса иностранных студентов. Это в наших-то бедных и необустроенных провинциях?), вызывая те «ноющие эмоции» и тревожные оценки, о которых пишет коллега.

Однако, повторюсь, реальная причина невстроенности регионального вуза органичным образом в наши реформы заключается не в формализации/бюрократизации, а в моновекторности стратегии реформ: в ней излишне – в ущерб региональным и национальным вызовам и запросам в адрес образования – преобладает философия либерализма, глобализации культурного и профессионального пространства, технологий рыночной успешности. В итоге данная стратегия образования работает скорее на трансляцию идеалов и принципов глобально-либерального мира в духовно-культурное пространство страны и в сферу отечественного образования, нежели на восприятие реальных запросов страны, что особенно остро (и болезненно) ощущается именно в регионах, в «форпостах» нашей культурной идентичности. Преодолима ли эта ситуация? Разумеется, да, если стратегия развития отечественного образования станет более дифференцированной, как

того требуют внутренние и внешние вызовы России. Но пока в ней доминирует идея «успешно следовать» европейскому модулю образования, либо попасть в клуб 100 или 300 лучших университетов мира.

Значимость этих целей очевидна. Но очевидно и другое: наша стратегия развития образования должна действовать также и на устранение тех социальных, экономических, технологических и культурных разрывов между регионами, этносами и культурами, которые продолжают лишь нарастать, периодически вызывая опасные социальные взрывы. Понятно, что для исправления этой ситуации требуются серьезные меры политического, экономического и культурно-образовательного плана. В частности, необходимо, чтобы в каждом регионе хотя бы один вуз располагал ресурсной базой и технологиями современного университетского процесса, являя «точку роста региона». Тогда и самооощение регионального вуза наверняка будет иное.

Впрочем, у регионального вуза в России есть и своя особая миссия, пока так и не нашедшая отражения в стратегии развития образования: выступать как институт формирования российской идентичности. В подтверждение актуальности этой миссии сошлемся на строки из послания Президента РФ Парламенту (12 декабря 2013 г.): «Нам нужны школы, которые не просто учат, что чрезвычайно важно... но и школы, которые воспитывают личность. Гражданин страны — впитавший ее ценности, историю и традиции». Сегодня ситуация такова, что из стен одних школ (и вузов) выходят ревнители татарского языка или задорной пляски «лезгинка», а из стен других — охранители православно-казачьей культуры, не очень готовые к взаимному диалогу и поиску согласия. А ведь совсем недавно, в «нулевые годы» страна с большими издержками восстановила единое конституционное пространство. Но оно, как нетрудно понять, сохранится прочно и надолго,

лишь будучи трансформировано в целостное единство культурно-цивилизационного пространства России и закреплено в единстве гражданско-политической идентичности россиян. Ключевая роль в решении этой задачи принадлежит именно региональным вузам.

Разумеется, трудно рассчитывать на успешность России в глобальном мире с его практиками мегапроектов, академической и трудовой мобильности, стартапов, транснациональной экономики, если наши ведущие вузы естественно-научного, технического и медицинского профиля не будут встроены в общемировое академическое и образовательное пространство. Хорошо, что наш топ-менеджмент активно действует в этом направлении. Вместе с тем история и судьба нашей страны сложилась так, а запрос на идентичность, объединяющую россиян культурно и духовно в единую нацию, сегодня настолько значим, что требуется развитие вузов и как эффективных центров формирования идентичности, консолидирующей российское общество. В этом контексте было бы разумно в систему статусной иерархии российских вузов ввести еще один статус — «головной вуз (университет) региона». Разумеется, возможны и иные варианты именования, важно, чтобы вуз такого рода становился основой и центром регионального кластера образования и научно-технологического развития, построенного на принципах вертикальной и горизонтальной интеграции учреждений образования и науки в регионе. Такой политический курс, конечно же, был бы позитивно воспринят в региональных вузах, изменил бы в них атмосферу к лучшему.

Пока же типична такая ситуация, когда региональный вуз чахнет от нехватки средств на развитие, а в регионе отдельно от вуза создается центр высокотехнологичной медицины, а еще — ресурсный центр на основе какого-то учреждения СПО (техникума, колледжа) и где-то своей жизнью, вне всякой связи с этими структурами, живут

региональные подразделения РАН. Насколько это оправданно и допустимо? Наличие этой «аномальной ситуации» лишь подтверждает, что региональный вуз «выпадает» не только из стратегии Минобрнауки, но и из внимания региональных властей.

Между тем в роли пилотного варианта регионального научно-образовательного кластера могли бы выступить и уже созданные федеральные университеты. Проблема, однако, в том, что в их уставах, как это ни странно, не предусмотрено выполнение каких-либо специфических федеральных функций. В связи с этим в наших регионах (особенно – в полиэтнических и поликультурных) порой возникает «ситуация абсурда». Например, на Северном Кавказе и Юге России остро стоит проблема координации историографических и культурологических исследований, проводимых местными вузами. Дело в том, что историографическая и культурологическая продукция в регионах частенько становится не только формой «дискурсивных войн историй и идентичностей» (что вошло в моду с 1990-х гг.), но и «теоретическим основанием» всякого рода экстремизмов. Ситуацию в данном случае можно было бы поправить, возложив функции научно-методического куратора северокавказских вузов на Южный и Северо-Кавказский федеральные университеты. Эта проблема не нова, поднималась неоднократно [3; 4], но реакции топ-менеджмента не видно. Перечень подобных примеров «стратегического бездействия», когда речь идет о региональных вузах, этим далеко не исчерпывается. Бесспорно, прав коллега Бабинцев и когда упрекает Минобрнауки РФ в неумении рационально и убедительно строить свои управленческие действия и отношения с академическим сообществом страны (это мы видели по перипетиям с ЕГЭ, по практике выявления неэффективных вузов, реформирования РАН, повышения зарплаты в сфере образования, не говоря уже о почему-то не решаемой проблеме запредельно высоких

зарплат вузовского и даже школьного начальства). В этом плане разделяю общий пафос обеспокоенности коллеги как состоянием дел в региональном вузе, так и уровнем культуры топ-менеджмента образования. Да и трудно не согласиться с тем, что бюрократизма у нас много. И все же не могу разделить оценочные позиции и выводы статьи, в которых бюрократизация предстает как главное бедствие регионального вуза. И вот почему.

Когда речь идет об образовании, надо бы различать идеологизированный бюрократизм запретов, цензур и ограничений мысли и творчества, что нам хорошо знакомо по прошлой истории, и сегодняшний рутинно-управленческий бюрократизм формализаций. Ведь одно из немногих значимых достижений России за последние 20–25 лет состоит в том, что у нас не стало политико-идеологического (т.е. тотально-бюрократического) ограничения мысли и творчества человека, а значит, демократия на рабочем месте (на уровне преподавателя) теперь больше зависит не от формо-творческой страсти ведомств, а от культуры и профессионализма низового и среднего звена управления – кафедры, факультета, вуза. Об этом свидетельствует и мой сорокалетний опыт работы в региональном вузе.

Литература

1. Рубин Ю.Б. Рынок образовательных услуг: от качества к конкурентоспособным бизнес-моделям // Высшее образование в России. 2011. № 3. С. 14–22.
2. Хагуров Т.А. Высшее образование между служением и услугой // Высшее образование в России. 2011. № 4. С. 47–57.
3. Кузьминов П.А., Кумыков А.М., Дзамихов К.Ф. Региональная историография в системе вузовской науки // Высшее образование в России. 2013. № 6. С. 76–81.
4. Геляева А.М., Кремшюкалова М.Ч. Лингвистическая культурология как сфера межвузовской кооперации // Высшее образование в России. 2013. № 6. С. 81–85.